

Открывая молодое государство: приём зарубежных спортивных делегаций в СССР в 1920-е гг.

 А.М. Глушич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Севастопольский государственный университет

Визиты иностранцев в СССР в 1920-е гг. были наиболее эффективным, но в то же время, рискованным способом показать достижения молодого советского государства. Цель статьи состоит в том, чтобы на основании ранее не опубликованных материалов Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 537, оп. 2) изучить различные модели приёма гостей, маршруты их передвижения, а также программы проведения досуга и ответить на вопрос, каким образом руководители советского спорта на ранних этапах становления государства маскировали многочисленные недостатки (главным образом, экономические и инфраструктурные) и выводили на передний план спортивные и культурные победы, формируя позитивный имидж СССР в мире через формально неполитический институт.

Руководители советской физкультуры отнюдь не стремились ограждать иностранцев от визитов в страну, наоборот, охотно приглашали все желающие команды, которые могли позволить себе такую поездку. В идеальном комплексном приёме должны были органично сочетаться четыре составляющих: спорт (само состязание), культура (театр, кино, экскурсионные прогулки), быт (прямое общение с советскими рабочими), отдых команды. В этом случае визит получал положительный отзыв за рубежом и способствовал повышению международного престижа СССР как первого социалистического государства, что и было главной задачей советской спортивной дипломатии во второй половине 1920-х гг. после прорыва международной изоляции. Однако таким визитам был присущ ряд перманентных ограничений и недостатков. Сильно варьировалась степень идеологической обработки делегаций: если европейские пролетарии активно посещали памятные для Октябрьской революции места, то гости с Востока знакомились только с культурной жизнью страны. Несмотря на призывы Красного спортивного Интернационала, делегации не имели возможности побывать в провинции; маршруты были практически одинаковыми и пролегли по крупнейшим городам советского государства (Москва, Ленинград, Харьков, Одесса). И даже в союзных центрах иностранцы сталкивались с организационными трудностями: транспортными издержками, слабым хозяйственным обеспечением, проблемами с питани-

УДК: 94(47)"192":327.7:796
Поступила в редакцию: 11.09.2023
Принята к публикации: 12.11.2023

ем, что снижало успех пропагандистской работы. Это объяснялось отсутствием единой нормативной базы для приёма зарубежных гостей в первое десятилетие функционирования советской спортивной дипломатии, а также общей неравномерностью инфраструктурного развития страны.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, культурная дипломатия, Красный спортивный Интернационал (КСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК), рабочий спорт

Спортивная дипломатия сегодня – один из регулярно практикующихся методов внешнеполитической деятельности. Впервые как термин он встречается в официальных документах Государственного департамента США ещё в 1950-е гг. В этом контексте спорт использовался в общей стратегии культурной экспансии Соединённых Штатов второй половины XX в. А потому логично воспринимать дипломатию спортивную как неотъемлемую часть культурной дипломатии, которая, однако, фактически вошла в практику международных отношений уже в первой половине XX в. в СССР (Дэвид-Фокс 2015: 41).

Говоря о советском кейсе, отмечаем, что лидеры молодого государства очень быстро поняли ценность культуры для достижения внешнеполитических целей. Уже с начала 1920-х гг. на нужды культурной дипломатии работало множество ведомств, как профильных, среди которых наиболее заметным был ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) и ОБИ (Объединённое бюро информации при Президиуме ЦИК), так и ряд политических структур – Межрабпом, НКВД, иностранный отдел ГПУ, агитпроп Коминтерна.

Спектр обязанностей этих институций был широк: организация выставок, поездок советской творческой элиты за рубеж и приглашение в СССР западных интеллектуалов, руководство сетью референтов за границей, снабжение советских органов зарубежными печатными материалами и т. д. Уже в 1922 г. была с успехом проведена выставка советского искусства в Берлине, позднее, в 1927–1928 гг., большой резонанс имела поездка в СССР Теодора Драйзера¹.

Не остался в стороне и спорт. Зарождение спортивной дипломатии датируется специалистами по истории спорта и международных отношений по-разному: от возобновления Олимпийских игр (1896 г.) или же от первых документов МИД Британской империи, в которых говорится об использовании Игр-1908 в Лондоне для налаживания экономических связей с Европой. Часто эти подходы зависят и от национальной принадлежности исследователя.

Эти сведения, безусловно, интересны, но не без оговорок. При таком подходе спорт как явление не играет роли. Суть заключается в самом факте проведения крупного форума, на который приедут представители стран со всего мира,

¹ Драйзер Т. 2019. *Русский дневник*. Москва: Эксмо. 430 с.

с которыми представится благоприятная возможность наладить связи, в том числе и экономические. Не лишним будет сказать, что ОИ проходили в Лондоне одновременно с франко-британской выставкой, не имевшей ничего общего со спортом, но расценивались британским правительством в том же ключе – в качестве площадки для переговоров (Боголюбова, Николаева 2012: 108). Кроме того, указанный пример является чуть ли не единственным, который приводят сторонники данного подхода. Если мы говорим о появлении новой дипломатической практики, то она, на наш взгляд, должна обладать свойством регулярности. Ведь в ином случае началом спортивной дипломатии можно считать и древние Олимпийские игры, на время проведения которых устанавливалось перемирие между всеми полисами.

По нашему мнению, первые проекты действительно системного использования спорта во внешней политике государства, зафиксированные на официальном уровне, мы встречаем в дипломатической практике СССР в 1920-е гг.

Советское государство начало использовать спорт как орудие внешнеполитической работы вскоре после своего возникновения. Красный спортивный Интернационал (КСИ, создан в 1921 г.) в тесной связи с Высшим советом физической культуры (ВСФК СССР, создан в 1920 г.) решали задачи, поставленные перед спортом советскими лидерами – преодоление международной изоляции молодого государства через неполитическое взаимодействие, демонстрацию преимуществ социалистического образа жизни и создание позитивного имиджа советского проекта, а к концу десятилетия – формирования из зарубежных спортивных клубов ячеек самообороны в составе местных компартий.

В историографии темы анализируются, прежде всего, идеологические аспекты противостояния буржуазного и «красного» спорта (Arnaud, Riordan 1996). Также в центре внимания находятся институциональные конструкции и связи: борьба КСИ и социал-демократического Люцернского Спортинтерна (ЛСИ) в публичном поле и сложная совместная работа КСИ и ВСФК, которая изобиловала внутренними конфликтами по идеологическим вопросам: допустимы ли встречи с буржуазными клубами, что первично при организации встреч – спорт или пропаганда и т. д. (Steinberg 1978; Gounot 2002; Хорошева 2018a). Значительным недостатком этих подходов остаётся внимание к декларируемым аспектам работы, борьбе дискурсов и риторик, которые далеко не всегда соответствовали реальной ситуации на спортивных площадках. Повседневная работа (организация выездов и приёмов команд, логистические, экономические, бытовые аспекты и т. д.) практически не затрагивается.

В рамках этой широкой исследовательской лакуны малоисследованными остаются и практики приёма зарубежных делегаций в СССР, в ходе которых происходило наиболее плотное соприкосновение Запада с малознакомым социалистическим государством. Отдельные встречи (например, Московский международный шахматный турнир в 1925 г.) описаны в диссертации А.А. Васильева (Васильев 2001). А.В. Хорошева провела полный анализ крупнейшего

форума десятилетия в рабочем спорте – Всесоюзной Спартакиады – 1928 (Хорошева 2018b: 5–22). Но регулярная практика приглашения спортивных зарубежных делегаций в СССР до сих пор не получила комплексного осмысления.

Заметное значение для нашей темы имеют работы, посвящённые изучению приёмов в смежных сферах культурной жизни (наука, литература, визуальное искусство) в раннесоветский период (Куликова 2001, 2003; Стукал 2007). В этих работах отмечено, что методологическое оформление визитов туристического характера из-за рубежа как инструмента «мягкой силы» происходит скорее в 1930-е гг., с созданием в 1929 г. общества «Интурист». Ранее приезды как отдельных знаковых гостей (Г. Уэллса, Т. Драйзера), так и целых делегаций были, во-первых, достаточно редки, а, во-вторых, их организация не имела чётко прописанного инструментария. Общими чертами были лишь стремление показать советское государство с выгодных сторон и высокая степень внимания к подобным визитам высших лиц государства.

С концептуальной точки зрения знаковой представляется работа П. Холландера «Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978)» (Холландер 2001). В статье будет показано, насколько выведенные им парадигмы «технологий гостеприимства», включавшие в себя интенсивную «заботу» о приезде с целью психологически заставить его отмечать только положительные моменты о своём пребывании в стране, а также «выборочное представление реальности» (Холландер 2001: 74–76) нашли отражение в практике приёма спортивных делегаций в изучаемый период.

Цель данной статьи состоит в анализе визитов зарубежных спортивных команд в СССР для определения как системности этой практики (степень проработанности методологии таких приёмов в первое десятилетие функционирования советской спортивной дипломатии), так и приоритетов работы (чему уделяли наибольшее внимание: идеологической «обработке», культурной составляющей, общению с пролетариями и т. д.).

Исследовательский вопрос более глобального характера заключается в том, чтобы соотнести цели и возможности СССР во внешнеполитической спортивной работе в рассматриваемый период: как руководители намеревались выполнять главную задачу советской культурной дипломатии в целом – демонстрацию гостям выдающихся достижений первого пролетарского государства – при очевидно слабой инфраструктурной развитости страны, особенно за пределами Москвы и Ленинграда? За счёт чего должен был формироваться позитивный имидж СССР и преодолеваться культурное отчуждение, которое постоянно подчёркивала зарубежная пресса?²

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 537. Оп. 1. Д. 237. Л. 18.

В данной статье будут рассмотрены различные варианты приёма команд, проанализированы их составы, маршруты путешествий, культурная программа, которая зависела от статуса и национальной принадлежности команды. Будут выделены модели приёма делегаций, а также благодаря ранее не опубликованным архивным отчётам продемонстрированы «идеальный» с точки зрения руководящих органов приём зарубежных спортсменов и то, как этот план реализовывался на практике.

Сделать это возможно на основании архивных материалов Российского государственного архива социально-политической истории, прежде всего – Ф. 537 оп. 2, основной массив которого составляет переписка КСИ и ВСФК с зарубежными секциями по всему миру, а также материалов спортивной периодики – журнала «Красный спорт».

Попасть за занавес: трудности команд на пути в СССР

С точки зрения разделения обязанностей между советскими институтами, приём зарубежных гостей был организован по стандартной процедуре. КСИ выступал в роли коммуникационного центра, договариваясь о самом факте встречи, но, будучи формально наднациональной организацией, не имел собственных средств, а потому вся материальная нагрузка по приёму гостей ложилась на плечи ВСФК. Желание Спортинтерна устраивать под своей эгидой как можно больше соревнований для демонстрации массовости движения не всегда отвечало финансовым возможностям ВСФК, что приводило к конфликтам и необходимости устанавливать достаточно строгие ограничения по финансированию приезжающих делегаций.

Определяющей при этом была позиция Высшего совета физкультуры. Главным образом, именно из-за материальной стороны вопроса приезд зарубежных команд в СССР был явлением более редким, чем советские выезды. Финансовое положение даже сравнительно крепких европейских ячеек рабочего спорта оставляло желать лучшего, а ВСФК зачастую требовал оплаты проезда до границ СССР и обратно из средств заграничных коллег. ВСФК обеспечивал проживание, питание и транспортные расходы внутри СССР, а также предоставлял бесплатные визы³. Такое положение на практике сохранялось даже после заключения, например, советско-германского договора о состязаниях в 1926 г., в котором стороны обоюдно обязались полностью оплачивать транспортные расходы прибывающей команды⁴.

³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150. Л. 92.

⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 101.

Крайне редкие исключения могли быть продиктованы установлением абсолютно нового и важного спортивно-дипломатического контакта. Так произошло с приездом в 1926 г. персидской команды. Персы попросили о приглашении своей команды в Москву сами⁵, но на условии, что ВСФК полностью оплатит проезд от Тегерана до Москвы и обратно, а также содержание и размещение команды в СССР (итого – около 11 тыс. руб.). Такая существенная сумма по запросу ВСФК и НКВД была выделена СНК, учитывая знаковый характер встречи – первый контакт по спортивной линии с одной из важнейших стран Востока (Васильев 2001: 171).

Иногда более выгодные условия для приезда удавалось получить посредством запросов КСИ. Спортинтерн не стеснялся обращаться в советские постпредства, особенно в Германии, за срочным выделением субсидий уже собранным, готовым к выезду, но «внезапно» оказавшимся без средств командам. Правда, по большей части такие субсидии были возвратными, но ждать этого возврата приходилось до нескольких лет⁶.

Лидеры КСИ обращались к ВСФК и с прямыми просьбами увеличить расходы, если поездка была необходима для поддержания контактов в сложных условиях. Так было с визитом делегации из Рейнской области в августе 1929 г. Немцы через Спортинтерн попросили о следующих условиях: на них оставался лишь проезд до границы СССР, а ВСФК должен был оплатить весь проезд по стране и обратно до Рейнской области, в также проживание целиком. Исходя из контекста, такая просьба была удовлетворена⁷.

Изыскивая способы увеличить количество контактов, КСИ предлагал делить расходы на проезд неимущих делегаций до границ СССР между Советами физкультуры регионов, в которых будут проходить игры. Так, проект поездки одной из лучших рабочих футбольных команд Чехословакии «Красной звезды Кладно» по маршруту Ленинград – Москва – Харьков – Крым включал в себя оплату дороги в равных долях со стороны СФК РСФСР, УССР и Крыма (по предварительным подсчётам – не более 250 руб. с каждой организации)⁸.

Руководители небольших секций пытались продвигать ещё более сложные схемы для облегчения финансовой нагрузки. В 1925 г. один из венгерских футбольных клубов, предварительно описав свои многочисленные победы над немецкими коллегами и посетовав на стеснённость в средствах, предложил следующий вариант: обратиться к иностранным акционерным обществам (немецким и английским), которые арендуют фабрики в Москве, и попросить от них письмо, согласно которому венгры будут зачислены в штат как монтеры машин на

⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 120. Л. 101-102.

⁶ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 79. Л. 24.

⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 110. Л. 64.

⁸ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94. Л. 35.

время пребывания. Тогда команда сможет провести 8–10 игр со столичными командами⁹. Эта нереализованная инициатива свидетельствует как о большом желании венгров самолично взглянуть на быт первого в мире государства пролетариев, так и о некоторой осведомлённости местных функционеров о внутренней организации экономической жизни Москвы.

Второй причиной затруднений при выездах в СССР были политико-идеологические аспекты. Даже до резкого обострения отношений между двумя рабочими Спортинтернами в 1928 г., когда социал-демократический ЛСИ ультимативно запретил секциям любые встречи с представителями КСИ под угрозой немедленного исключения, лидеры Люцерна крайне настороженно относились к визитам своих членов в СССР. И если отдельные встречи могли банально пройти мимо внимания чиновников, то более массовые соревнования вызывали негативную реакцию.

Так произошло, например, с Всероссийским праздником физкультуры летом 1927 г. На него прибыли спортсмены из Германии, Чехословакии и Финляндии, но прибыли вопреки воле руководителей своих союзов. Финские функционеры сначала поставили общегосударственные рабочие соревнования на тот же период, что и советский праздник, а затем указали на телеграмму из ЛСИ, который рекомендовал избегать подобных мероприятий, так как это – «в первую очередь политический акт». Чехословацкие и швейцарские союзы, не конкретизируя причин, ссылались на организационные сложности¹⁰. В итоге все желающие соревноваться спортсмены добирались до Москвы за свой счёт, что, конечно, могли позволить себе не многие.

Чехословацкой делегации и вовсе пришлось прорываться на праздник полуполюгально. Ей, в отличие от коллег, чинились препятствия не на уровне своего союза, но на уровне государственном. Полиция приняла резолюцию о запрете на выдачу заграничных паспортов спортсменам для участия «в физкультурных праздниках Коммунистической партии», так как чешские атлеты-партийцы в ходе поездки могли бы «усовершенствовать себя в антигосударственных агитационных методах»¹¹. Прибыть смогли лишь те, кто уже имел паспорта и опыт выездов в СССР. Ничего противопоставить такой позиции внутренних органов спортсекции не могли.

Но если уж зарубежная делегация преодолевала все финансовые, организационные и политические трудности и добиралась до СССР, то советские власти старались устроить приезжим спортсменам полноценное турне по городам страны. О наиболее знаковых из них пойдёт речь ниже.

⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 25. Л. 1-2.

¹⁰ Красный спорт. №34, 1927. С. 1.

¹¹ Там же.

Спортивные «гастроли»: гости и их маршруты

Обычно такие контакты концентрировались на привычных, устоявшихся ещё с начала 1920-х гг. маршрутах взаимодействия, главными из которых были визиты финских, норвежских и латышских спортсменов в Ленинград и Москву, а затем, немного позднее, приезд немецких и чехословацких команд в УССР, особенно – в Харьков. Самыми регулярными оставались контакты с финнами, причём не всегда соревновательного характера: уже в 1924 г. делегация приезжала в Ленинград в один из местных клубов исключительно с целью «ознакомления с будничной спортивной работой», главным образом, с постановкой в СССР женского спорта¹².

Финны были частыми гостями в стране, но соревновались, главным образом, в зимних видах спорта. Поэтому приезд в августе 1926 г. атлетов на летние состязания в Москву продолжился поездкой на Украину, куда финские делегации обычно не добирались. Гостям показали Харьков, Донбасс, Одессу, откуда затем морем довели в финальную точку – Севастополь. Спорт в ходе этого турне неожиданно и нетипично был отодвинут на второй план. В отчёте финны практически не упоминают о состязаниях, акцент сделан на экскурсиях по городам, посещениях шахты (Донбасс) и театра (Одесса), морских прогулках на кабере¹³.

В мае – июне 1927 г. состоялись сразу две масштабных поездки. Австрийская делегация отыграла матчи в Москве, Днепропетровске и Киеве¹⁴, а команда саксонских футболистов проследовала практически по «финскому» маршруту – из Москвы через Владимир в Харьков и Одессу, в каждом из городов отыграв по несколько матчей. Обе делегации дали достаточно типичные отзывы о лживости буржуазной и социал-демократической пропаганды, описывавших СССР как дикую и отсталую страну, но из них мы можем констатировать факт демонстрации делегациям не только спортивной, но и культурной, и бытовой жизни советского государства. Так, саксонцам больше всего запомнились дома отдыха, детские городки и санатории юга СССР¹⁵, в то же время как австрийцы отметили более яркую достопримечательность – мавзолей Ленина¹⁶.

Для сборных команд Чехословакии и Германии, гостившим в СССР осенью 1927 г., были проведены экскурсии по предприятиям «Москвы, Украины и Крыма» (формулировка источника – авт.), а британской делегации устроили выезд в промышленный центр Донбасса – город Кадиевку. Выезд был примечателен

¹² *Красный спорт*. №1, 1924. С. 1.

¹³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 137. Л. 61-62.

¹⁴ *Красный спорт*. №28, 1927. С.2.

¹⁵ *Красный спорт*. №21, 1927. С.1.

¹⁶ *Красный спорт*. №29, 1927. С.2.

аншлагом (на матч пришло посмотреть 9 000 зрителей при населении в 30 000), а также необычным предыгровым досугом – перед матчем англичане спустились с советскими рабочими в шахту¹⁷. Неудивительно, что после такой экстремальной экскурсии советские футболисты одержали верх, что, конечно, не затмило в отчётах прессы восторгов от интернационального единения рабочих.

Схожие отзывы оставила датская делегация от секции мячевых игр, посетившая страну осенью 1929 г., уже в условиях строжайших запретов любых контактов от Люцернского Спортинтерна. Отсюда можем предположить, что спортсмены были командированы местными коммунистическими органами, а не своим рабочим союзом. Неудивительно, что после возвращения выезд получил в Дании различное освещение. Его осудили на заседании Рабоче-спортивного союза как противоречащий позиции Люцерна, а также указали, что всю трёхнедельную поездку датские спортсмены голодали¹⁸. Напротив, интервью с атлетами в официальной газете компартии Дании «Арбейдер Бладет» не только напрямую опровергало эти слова, но и вновь демонстрировало широкий размах поездки. Маршрут был построен по центральной части России, но с уже отработанной финальной точкой: Москва – Владимир – Ковров – Орехово – Одесса. В фокусе вновь оставался быт: помимо стадионов и театров, посещали фабрики, рабочие клубы и детские дома. В силу времени посещения и новых рекреационных возможностей мы видим два новых мощных идеологических штриха: посещение открытого за полтора года до поездки Дома Красной армии в Москве, а также парада в честь годовщины Октябрьской революции 7 ноября в Одессе как завершающего аккорда турне¹⁹.

Что касается отдельных аспектов советской жизни, то спортсмены отмечали работу с молодёжью (организации пионеров и комсомольцев), просветительскую работу в клубах среди населения всех возрастов и борьбу с пьянством. Общая идиллия омрачалась лишь тем, что датчанам не заплатили обещанные в качестве субсидии 200 крон (102 руб.), но эта информация осталась только на страницах закрытой переписки²⁰.

Щепетильное отношение к такого рода визитам, кроме значительных финансовых затрат на содержание команд внутри СССР, подтверждается также тем, что зарубежным делегациям устраивали приём на высоком государственном уровне. Так, австрийцев в Киеве принимал секретарь ВУЦИК (Всеукраинский центральный исполнительный комитет) А.И. Буценко, а саксонцы и вовсе были приняты в Москве «советским президентом» (по выражению самих спортсменов – авт.), председателем ВЦИК М.И. Калинин²¹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 178. Л. 9.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 66. Л. 33-34.

²⁰ Там же. Л. 21.

²¹ Красный спорт. №25, 1927. С. 1.

Не всегда в силу временных ограничений удавалось показать гостям сразу несколько советских городов. Но и в этом случае скучать им не приходилось. Ярким примером служит первая международная встреча сборной СССР по футболу со сборной Турции в ноябре 1924 г. в Москве.

Сама встреча была организована неожиданно быстро: после участия в Олимпиаде-1924 турецкая сборная направила запрос в ФИФА (буржуазную всемирную футбольную организацию) и в ВСФК относительно возможной встречи, и, ожидаемо во втором случае и неожиданно в первом, получила одобрение. Даты приезда, разумеется, были выбраны неслучайно: гости прибыли в Москву из Одессы в специальном отдельном вагоне накануне парада 7 ноября, были встречены оркестром и официальными лицами.

На параде всю футбольную команду усадили на Красной площади на самом почётном месте – в ложе для послов, что, по мнению самих турок, было неблагоприятно воспринято рядом западных делегаций. За следующие два дня команда провела два матча против первой и второй сборных Москвы, а затем началась культурная программа, которая, в отличие от большинства описанных нами ранее, совсем не затрагивала знакомство с рабочим бытом: балет в Большом театре, ужин в посольстве, наконец, большая экскурсия по музею и залам Кремля²².

Такой подбор локаций был логичным – в Турции, несмотря на крепкие отношения с СССР, не было и речи о зарождения сильного пролетарского движения, и даже КСИ смирился с таким положением дел, дав согласие на встречи с буржуазными командами Востока²³. Потому не было смысла знакомить футболистов-полупрофессионалов с повседневной рабочей жизнью Москвы, равно как и проводить усиленную пропагандистскую линию. Вместо этого демонстрировали высокий культурный уровень столицы нового государства.

Подобный подход будет использоваться и в дальнейшем – в 1926 г. относительно приезда турецкой делегации в Закавказье была дана чёткая директива: «Избежать встречи команды в помещении заксвета, который находится в помещении бывшего собора, ибо это может вызвать нежелательные разговоры о подавлении религии. Организовать как можно больше экскурсий в учреждениях коренных национальностей Закавказья»²⁴. Таким образом, в отношении стран Востока спортивная дипломатия играла роль лишь как помощница в установлении и укреплении связей, чётко осознавая границы и совсем не пытаясь проводить идеологическую экспансию.

Сам же финальный матч со сборной СССР стал праздником для советских граждан, собрав на трибунах рекордные для Москвы и страны 15 тыс. зрителей, а также репортёров всех советских газет, «доселе к физкультуре не приобщён-

²² *Красный спорт*. №4, 1925. С. 3.

²³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 70.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 11.

ных». Один из корреспондентов в нарушение всех регламентов даже забрался с камерой на перекладину ворот и едва не был сбит мячом²⁵. Такой интерес не сложно объяснить – это была не только первая встреча сборной СССР, но ещё и матч, одобренный международными органами, что в 1924 г. было весомым шагом к достижению одной из ключевых целей советского государства в целом – всемирного признания СССР.

Примечательно, что следующий рекорд посещаемости футбольного матча в СССР также был поставлен благодаря зарубежным гостям – в 1928 г. на стадионе им. Томского на матче клуба «Пищевик» с французской рабочей командой собрались уже 20 тыс. чел.²⁶

Логично задать вопрос: а приезжали ли буржуазные спортсмены, кроме восточных гостей, в СССР? Таких прецедентов, за исключением команд Турции, Персии, а также шахматистов-профессионалов, практически не бывало. Ведь возможность сыграть с буржуазной командой во время выезда часто подворачивалась случайно, и, хоть подобные приглашения критиковалась рабочими организациями принимающей страны, нередко принимались. В случае же приезда в СССР необходимо было заранее оговорить готовность такого приёма, не вызвав при этом негодования КСИ. Тем не менее прецеденты подобного рода имели место.

Первый из них был связан с мотоспортом. Несмотря на то, что в СССР в середине 1920-х гг. ещё не производились собственные мотоциклы, желание перенять опыт этого перспективного и полезного в народном хозяйстве дела было велико. Главным партнёром здесь оказалась Франция, что неудивительно, учитывая и её статус официальной секции КСИ, и популярность данного вида спорта в стране. Пробеги по маршруту «Москва – Париж – Москва» стали одним из инструментов сближения спортсменов и обмена опытом в сфере строительства машин и велодромов. Самый масштабный пробег был организован в 1927 г.²⁷

Но для проведения таких впечатляющих мероприятий, разумеется, нужно было иметь материальную базу. С этой целью в сентябре 1925 г. советское правительство произвело масштабную закупку мотоциклетной техники французского, немецкого и американского производства в числе около 300 единиц. Чтобы протестировать приобретённые машины, было решено провести мотопробег Москва – Харьков, на который пригласили и иностранцев. Рабочие спортсмены в силу финансовых трудностей и профессиональной занятости вряд ли могли бы решиться на такую поездку своим ходом. Поэтому единственными представителями заграницы оказались три французских спортсмена –

²⁵ *Красный спорт*. №19, 1924. С. 2.

²⁶ Старостин Н.П. 2018. *Футбол сквозь годы*. Москва: Центрполиграф. С. 36.

²⁷ *Красный спорт*. №33, 1927. С. 2.

Кребс, Дюмулен и Сексте, которые по возвращении дали интервью одной из самых популярных спортивных газет Франции – буржуазной «Авто». Оно было переведено и опубликовано в «Красном спорте» главным образом потому, что описывало поездку в неожиданно позитивных тонах. Из-за задержки поставок техники французам пришлось две недели ждать начала пробега, но они были поставлены на довольствие и проводили досуг со спортсменами в кружках Ленинграда. Хотя для таких гостей не была предусмотрена отдельная культурная программа, но спортсмены заявили, что «всякому западному спортсмену здесь обеспечен один из самых тёплых в его жизни приёмов», а затем, уже в ходе пробега, упоминались вечерние банкеты, речи и киносеансы практически в каждом городе. Вывод интервью заключался в том, что уровень жизни в СССР «вполне нормальный», а продукты первой необходимости (хлеб, мясо, чай) доступны каждому гражданину²⁸.

Не исключено, что ВСФК был бы рад использовать столь эффективную пропагандистскую практику чаще, но противодействие Коминтерна и КСИ не давало такой возможности. Хотя подобные интервью могли бы оказывать не меньшее влияние на жителей Европы, чем публикации в западной рабочей прессе.

Второй прецедент приглашения спортсменов-профессионалов оказался несколько комичным. Речь идёт о встрече со спортсменами единственного крупного европейского государства, где не было организованного рабочего движения – Швеции. Выезды советских конькобежцев в эту страну и их победы подавались в отечественной прессе с огромным пафосом, в силу чего появилось желание посостязаться перед своей публикой.

В феврале 1927 г. по всему Ленинграду появились афиши ВСФК о приезде сборной Швеции по хоккею, одной из сильнейших на континенте, лишь немного уступающей буржуазной команде Финляндии. Ажиотаж был колоссальным: лучшие советские спортсмены перешли на усиленный режим тренировок и диеты, за несколько дней были раскуплены все 8 тыс. дорогих (по 1,25 руб.) билетов на стадион, что стало абсолютным рекордом посещаемости хоккейного матча в истории СССР. Встречать шведов собирались дважды, сначала с оркестром на финской границе, а затем в самом Ленинграде.

Однако после знакомства на границе выяснилось, что эта команда – сборная рабочих одного из шведских металлургических заводов, решивших выехать для состязаний в Россию. Несоответствие уровней оказалось колоссальным, шведы проиграли обе игры с общим счётом 19:0, а газеты писали о «кризисе доверия» к организаторам игр в дальнейшем²⁹. ВСФК оправдывался, что вёл переговоры с буржуазным спортивным союзом Швеции, а потому и рассчитывал на приезд основной сборной. Налицо халатность чиновников, недостаточно чётко

²⁸ *Красный спорт*. №40, 1925. С. 3.

²⁹ *Красный спорт*. №7, 1927. С. 3.

артикулировавших свою позицию в условиях, когда весь спортивный мир знал о настороженном отношении советских органов к состязаниям с буржуазными клубами³⁰.

Но обстановка накануне игр подтвердила тезис о том, что не только чиновники ВСФК желали соревноваться с сильнейшими зарубежными организациями, но и советские граждане, уставшие от дежурных триумфов в рабочих состязаниях, с небывалым рвением стремились видеть соревнования с лучшими представителями спортивного мира. Этот факт, в свою очередь, был одним из ключевых, обуславливавших непопулярность КСИ внутри СССР.

Ещё один вопрос, возникающий при анализе маршрутов делегаций, заключается в роли провинции в практиках приёма спортсменов. Ситуация по этому вопросу была двойственной. Формально линия на направление иностранных делегаций в небольшие города была задана ВСФК ещё в 1924 г.³¹.

Первым (и на последующие два года – единственным) таким выездом за пределы столиц стала поездка норвежских футболистов в Гусь-Хрустальный, который на тот момент официально был даже не городом, а рабочим посёлком. Плюсы подобного рода поездки очевидны – приезд иностранцев становился событием для местных жителей. Была в сжатые сроки организована массовая встреча, две экскурсии по стекольной и текстильной фабрике с живым общением рядовых «доподлинных» рабочих с гостями.

Искренность подобной встречи была намного выше, чем в столичных городах, где подобные визиты могли проходить незамеченными. Один из чиновников ВСФК Шардаков на страницах «Красного спорта» писал о том, что на Всесоюзном празднике физкультуры в 1927 г. иностранцев от толпы буквально «прятали», и в будущем надо оформлять все культурные мероприятия и экскурсии как организованный выезд, чтобы жители столицы также могли общаться с зарубежными гостями³². В провинции таких проблем, конечно, не возникало, приезд команды становился главным событием за долгое время.

Однако очевидными были и минусы, главным образом – инфраструктурные. До посёлка Нечаевская добирались из Москвы в вагоне 4 (т.е. последнего) класса, а оттуда до самого Гуся – в конных экипажах. Не могло порадовать гостей и жёсткое бугристое поле, «благодаря» которому, согласно отчёту, хозяева и смогли забить два гола (всё равно проиграв норвежцам со счётом 4:2). Автор отчёта, главный редактор «Красного спорта» А. Иттин, резюмируя, подчеркнул, что если бы на нужды подобных центров выделялось немного больше средств, то приёмы стали бы совершенно образцовыми³³. Без этого условия визиты

³⁰ Там же. С. 1.

³¹ Красный спорт. №37, 1927. С.1.

³² Там же.

³³ Красный спорт. №6, 1924. С. 2.

могли быть организованы лишь для делегаций из стран, которые уже давно были вовлечены в орбиту КСИ, но никак не подходили для пропагандистской работы с целью демонстрации иностранцам выдающихся успехов советского государства.

Потому приоритетом оставались либо крупнейшие города, имеющие или имевшие статус столиц (Москва, Ленинград, Киев, Харьков), либо города выдающегося производственного или транспортного значения (Одесса, Севастополь, Днепропетровск). Выезды, подобные визитам в Гусь-Хрустальный, Кадиевку, Орехово оставались редкостью и случались, вероятно, лишь по непосредственному запросу с мест и только как промежуточные точки в ходе больших турне.

Многие же крупные города, которые даже были обозначены как шефские для ряда рабочих организаций зарубежья (Тверь, Казань, Самара), оказывались полностью отрезанными от международных визитов в силу, главным образом, географического положения, ведь проезд и проживание внутри СССР (включая посуточные командировочные) выплачивались из казны ВСФК. Потому условный список принимающих иностранцев городов был достаточно стабилен на протяжении всего десятилетия.

Наконец, стоит отметить, что практически всегда такие встречи были тщательно спланированы. Исключения были единичными, но они случались. Так, в «Красном спорте» помещён отчёт о матче 8 декабря 1925 г. между экипажем шведского крейсера «Фильгия» (правильнее «Фюльгия», швед. *Fylgia* – авт.), стоявшем в порту Одессы, и командой N дивизии РККА. Согласно отчёту, шведы бросили вызов советской команде, и в сжатые сроки была организована встреча, в ходе которой советская команда не просто выиграла с разгромным счётом 4:1, но в концовке ещё и намеренно не забила пенальти, дабы не доводить счёт до неприличного, что было с удовлетворением воспринято шведами.

Особый акцент в отчёте сделан на историю команд: экипаж «Фильгии», по их словам, был футбольным чемпионом всего шведского флота, а команда N дивизии – победителем аналогичных соревнований в РККА. Таким образом, эта встреча, по мнению автора, «имела и политическое значение»³⁴. И поскольку отчёт о таком незапланированном матче, проведённом в провинции, был напечатан в центральной спортивной газете, автор явно был не одинок в подобном восприятии этой игры.

---

³⁴ *Красный спорт*. №2, 1926. С. 2.

«Идеальный» визит зарубежной команды: проект и реальность

Отдельно следует сказать о ценном источнике, который даёт нам подробное представление об организации длительного и комплексного турне по стране с широким географическим охватом и указанием всех организационных частностей: «Политический и технический обзор пребывания уругвайской спортивной делегации в СССР 27 июля – 27 сентября 1928 г.»³⁵.

Столь детальное внимание именно к этому отчёту обусловлено рядом обстоятельств. Его уникальность заключается в комплексности приведённых сведений. Обычно отчёты включали в себя либо сугубо технические аспекты поездки (куда ездили, с кем играли, каковы были итоги встреч), либо, наоборот, культурные впечатления (в таких случаях обычно отдельно указывалось, что главной целью визита было не само состязание, но «пролетарская смычка»). Эти вариации обычно зависели от того, кто был автором отчёта – чиновник ВСФК (в первом случае) или Спортинтерна (во втором). Такие отчёты, безусловно, ценны, но не дают нам полного впечатления о приёме. Кроме того, в них зачастую были сглажены углы, не акцентировалось внимание на сложностях, с которыми сталкивались иностранные делегации.

В предлагаемом же отчёте содержатся не стандартные впечатления делегации и общие фразы о проведении встреч, но конкретные детали, позволяющие судить как об акцентах, которые казались важными чиновникам в контексте «идеальной» поездки, так и о каждодневных сложностях при реализации таких проектов. Автор, не стесняясь в формулировках, критично оценил логистические и бытовые проблемы, возникавшие на всех этапах турне, привёл в числе прочего негативные впечатления зарубежных гостей.

Кроме того, источником «преимуществом» является национальная принадлежность делегации. С одной стороны, уругвайская секция одна из шести старейших секций КСИ (с 1924 г., наряду с Норвегией и Аргентиной; раньше в состав Спортинтерна вошли только СССР, Чехословакия и Франция). Именно секции этой страны стали базисными для работы КСИ в Южной Америке на протяжении 1920–30-х гг., а потому редкую «очную» встречу с местной делегацией на полях СССР необходимо было использовать максимально эффективно, чтобы не потерять столь важный плацдарм. Сама делегация была пролетарской, а потому в работе могла быть в полной мере задействована «живая пропаганда» – общение с советскими рабочими на местах. С другой стороны, в силу упомянутой редкости визитов заокеанских делегаций в СССР им стремились пока-

³⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 33–40.

зять лучшие культурные достижения советской страны, в то время как в случае с более «опытными» гостями из Финляндии, Норвегии или Германии больший акцент делался на спортивном состязании как таковом.

Наконец, данный отчёт относится к 1928 г., то есть демонстрирует нам плоды более чем пятилетнего опыта приёма зарубежных спортивных команд, а не первые шаги в этом направлении. В совокупности эти факторы определили выбор именно данного источника как стержневого для формирования представления о комплексном приёме иностранных спортсменов в СССР в изучаемый нами период.

Разумеется, делегация не колесила по стране два месяца, как это указано в названии отчёта. Она прибыла в Москву за две недели до начала Спартакиады (12 августа) первой среди иностранных и была заселена в 3-й Дом Советов³⁶. Однако, в отличие от спортсменов большинства других стран, для уругвайцев заранее было запланировано месячное турне сразу после окончания форума по таким городам, как Харьков, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Таганрог и Ленинград.

Это объясняется рядом обстоятельств. Приезд уругвайцев стал первым визитом в СССР крупной спортивной делегации из-за океана, а значит был важным как для обоюдного информирования друг друга о делах в регионах с целью последующего распространения революционной пропаганды, так и для демонстрации «всемирности» советской спортивной дипломатии.

Кроме того, «буржуазная» сборная Уругвая по футболу завоевала золотые медали на Олимпийских играх 1924 и 1928 гг. (за несколько дней до начала Спартакиады), а в 1930 г. стала первым чемпионом мира по футболу. Учитывая тот факт, что буржуазный спорт, несмотря на идеологическую критику, полно освещался в советской спортивной прессе, ореол славы той сборной влиял и на приезжую рабочую футбольную команду, вызывая повышенный ажиотаж публики. Именно поэтому власти СССР выделили значительные средства на поездку, командировочные и даже на прямое материальное обеспечение отдельных спортсменов – двоим футболистам были куплены обувь и платье³⁷.

Уругвайская команда была подлинно рабочей. Руководители предоставили в ВСФК список делегации с обозначением профессий, из которого следует, что 14 человек из 18 были пролетариями (а также двое служащих, продавец газет и сопровождающий журналист). Более того, пять человек состояли в Компартии Уругвая (среди них – редактор партийной газеты), трое – в комсомоле, все делегаты были членами Красной федерации рабочих спортсменов (секции КСИ)³⁸.

³⁶ 3-ий Дом Советов размещался в бывшем здании Духовной семинарии в Божедомском переулке (ныне Делегатская улица), в нём жили делегаты Всероссийских съездов Советов.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 35.

³⁸ Там же. Л. 33.

Приезд команды в каждый город сопровождался встречей на вокзале с оркестром, демонстрацией рабочих, небольшим митингом и выступлением как лидеров местной физкультурной организации, так и уругвайцев (футболистов или руководителя делегации). Исключение составил Харьков, где не было организовано встречи – местные чиновники не вывели рабочих и даже сами проспали приезд, из-за чего гостям пришлось час ждать на вокзале. Обратная ситуация произошла в Таганроге – на вокзал пришло столько рабочих, что милиция не справилась с ограждением и толпа едва не задавила приезжих, которым пришлось выбираться с площади на почтовом грузовике. Митинг, таким образом, был сорван.

С гостиницами дела обстояли ещё сложнее. В Харькове гостям пришлось ждать несколько часов, пока в их номера поставят кровати, в Таганроге гостиница не располагала постельным бельём на все номера, так как они никогда не бывали заполнены, и бельё пришлось занимать в местном Доме крестьянина³⁹. Персоналу зачастую требовалось повторять просьбы по несколько раз, но поскольку переводчик не мог быть с командой постоянно, то некоторые запросы спортсменов не были выполнены вовсе. Даже в Европейской гостинице Ленинграда, лучшей в городе, обслуживание вызвало много нареканий (по предположению автора отчёта – из-за привычности персонала к чаевым).

Даже с питанием делегации возникали трудности, причём, как ни странно, в обеих столицах. Во время Спартакиады некоторые спортсмены голодали по причине изначально неверного расчёта сметы на снабжение, а также графика кормления, который не учитывал время проведения состязаний, из-за чего атлеты могли пропускать сразу несколько приёмов пищи и были вынуждены покупать еду за свои средства. В Ленинграде же жирная пища стала причиной желудочно-кишечных заболеваний у части команды.

Двояко обстояла ситуация с транспортом. Поезда произвели на делегацию гнетущее впечатление. Отдельного вагона выделено не было, равно как не было и вагона-ресторана. Постельного белья не хватало на всех, его приходилось буквально собирать по частям из других вагонов и на крупных станциях. Однако, был показан и пример не просто хорошего обслуживания, но скорее роскоши – из Нижнего Новгорода в Сталинград добирались четыре дня на пароходе «Ульянов» в каютах 1 класса. Прекрасное обслуживание, общение с экипажем и пассажирами, медицинское обеспечение с целью залечить полученные травмы, равно как и вечерние танцы вызвали восторг у южноамериканских рабочих⁴⁰.

Что же касается программы мероприятий, то она была действительно комплексной, сочетая в себе и идеологическую, и ознакомительно-бытовую, и культурную часть, а также заботу об отдыхе команды.

³⁹ Дома крестьянина – учреждения, созданные в городах в первые годы советской власти, где переехавшие в город селяне могли получить ночлег, пропитание и правовую защиту.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 37.

К первой стоит отнести посещение «символических» мест советского государства, главным образом, в Москве: Кремль, мавзолей Ленина, музей революции, редакция «Известий», Центральный дом Красной армии и отдельные части Красной армии в окрестностях столицы.

Значительная часть времени была выделена под экскурсии на производства. Электrozавод и рабочий район «Глухово» с обязательным посещением клубов, яслей и детсадов при них (Москва), табачная фабрика им. Розы Люксембург (Ростов-на-Дону), металлургический и кожевенный заводы (Таганрог).

Отдельно следует отметить постоянную вовлечённость гостей во встречи различного уровня. В Харькове их принимал секретарь ВУЦИК А.И. Буценко, в каждом городе проходила встреча с руководителями местных физкультурных ячеек, в Москве спортсмены проводили вечера за общением с рабочими-кожевенниками, строителями, представителями Хамовнического комсомола.

При этом, согласно отчёту, общение было предметным, уругвайцев интересовали прикладные вопросы: разница в положении рабочих в Российской империи и сейчас, уровень дохода, количество рабочего времени. Для убеждения рабочих в реальности роста зарплат относительно индекса роста цен южноамериканцам демонстрировали свежие сводки Госплана. В подобных беседах делегация стабильно подчёркивала, что приехала в СССР не столько ради спорта, сколько для перенятия опыта, и в этом смысле директивы КСИ о пропаганде через непосредственное общение с пролетариями выполнялись безукоризненно⁴¹.

Не меньшее внимание уделяли культурным мероприятиям. Балет «Красный мак» в Большом театре, опера «Сильва» в рабочем саду им К. Либкнехта (Москва), посещение ярмарки, оперы «Пиковая дама» и экскурсии по памятникам старины Нижнего Новгорода, Русский музей, Эрмитаж, Петропавловская крепость и балет «Спящая красавица» в Мариинском театре (Ленинград) – такой широкий ассортимент досуга призван был не только не дать гостям заскучать, но и показать, что культурная жизнь в государстве пролетариев отнюдь не находится в упадке, причём и благодаря художественным образцам дореволюционного времени.

Наконец, учитывая «южный» акцент поездки, для уругвайцев были проведены экскурсии на катерах по Волге и Дону, а также поход на яхтах по водам Каспийского моря. Эта часть поездки была исключительно данью местному колориту и своеобразным подарком от местных органов управления физкультурой. Таким образом, в сфере времяпрепровождения делегации данное турне выглядит наиболее комплексным и эталонным из изученных нами, что было связано как с немалым накопленным к 1928 г. опытом встреч, так и с общей мобилизацией физкультурных организаций всей страны в преддверии Спартакиады.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 34.

Но если досуговое сопровождение оказалось на высшем уровне, то в организационном плане обнаружили множественные огрехи. Выделяются две причины таких ошибок.

Первая – инфраструктурная. Гостиницы и транспортные сети страны не всегда располагали средствами для комфортной встречи зарубежных гостей. Юг страны только начинал превращаться во всесоюзную здравницу (например, среди подписчиков «Красного спорта» разыгрывались путёвки в Крым⁴²), и поток отдыхающих ещё не заставлял сети работать на полную мощность. Поезда высокого класса обслуживания пока оставались прерогативой столичных регионов.

Вторая причина – успешность каждого этапа поездки зависела исключительно от местных советов физической культуры. Всё, от покупки билетов до организации матчей, проживания и питания, давалось на откуп местным органам. Автор отчёта констатирует, что «отсутствие должной энергии – наша общая болезнь» и обвиняет городских руководителей в том, что за хозяйственными и узко спортивными вопросами те напрочь забывают о политической роли поездки. Стоит, однако, отметить, что эти чиновники зачастую вовсе не имели опыта приёма иностранных делегаций. Вышеописанные визиты гостей в Гусь-Хрустальный и Кадиевку наглядно демонстрировали, что даже при наличии рвения подготовить безупречный приём делегаций в провинции – задача практически непосильная по объективным причинам материальной обеспеченности региона.

Жалобы поступали и на организационное сопровождение в Москве и Ленинграде, а спортивные функционеры северной столицы, по мнению автора обзора, были заинтересованы лишь в сборах от матчей, а практически всю культурную программу приходилось самостоятельно организовывать ВСФК.

Заключение

СССР, именуемый рядом исследователей «пропагандистским государством» (Стукал 2007: 115), несмотря на очевидные экономические и инфраструктурные сложности, логично сопровождавшие становление молодой страны в 1920-е гг., отнюдь не планировал опускать «занавес» и ограничивать въезд зарубежных спортивных команд. Вместо этого был выработан ряд положений, которые должны были нивелировать отрицательные стороны, обычно касавшиеся бытового и логистического обеспечения, и вывести на передний план достижения СССР в культурной и спортивной жизни.

⁴² *Красный спорт*. №51, 1925. С. 7.

Осознавая наличие проблем, советские чиновники делали мощный акцент на «занятости» делегации. Модели взаимодействия были разными: если у рабочих делегаций значительную часть времени занимало общение с советскими пролетариями и посещение производственных мощностей, то спортсменов с Востока впечатляли исключительно яркими культурными достижениями.

В идеальном комплексном приёме должны были органично соединяться четыре составляющих: спорт (само состязание и, безусловно, победа советских спортсменов в нём), культура (посещение знаковых для советской власти мест, а также театров, кино), быт (живая пропаганда посредством общения с рабочими массами), отдых команды. Именно так заполнялись все организационные лакуны. В этом смысле спортивная дипломатия была органичной частью дипломатии культурной – только в сочетании «спортивное состязание + демонстрация культурных достижений» достигался полный идеолого-пропагандистский успех визита.

Благодаря такой системе визиты иностранцев в СССР проходили без серьёзных эксцессов и завершались восторженными отчётами в советской и зарубежной прессе о высоких темпах развития жизни и физической культуры в пролетарском государстве, что соответствовало главной цели спортивной дипломатии – формированию позитивного имиджа страны и усилению базы для дальнейшей работы за рубежом.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в вопросе приёма зарубежных гостей на начальном этапе развития спортивной дипломатии советские управляющие органы шли методом проб и ошибок. Даже города-«витрины» советского государства допускали немало оплошностей в вопросах обеспечения, что говорит об отсутствии системности в этом аспекте работы. К концу 1920-х гг. не было выработано чётких инструкций для визитов спортивных делегаций, поэтому каждый приём организовывался индивидуально и ситуативно, с учётом мнений и компетенций конкретных ответственных лиц.

Кроме того, при таких императивах советская провинция оказывалась практически полностью отрезанной от взаимодействия с зарубежьем. Её посещали лишь команды из стран, делегации которых бывали в СССР с 1923–1924 гг. – Финляндии и Норвегии; к концу 1920-х гг. эти команды привыкли к культурной пропаганде в столицах и перестали её воспринимать. В таком случае акцент делался на соревнования и прямое общение с советскими пролетариями. Однако, такие прецеденты оставались редкостью и исключением из правил.

Таким образом, нельзя сказать, что исследованные нами практики полностью соответствуют тем универсальным «технологиям советского гостеприимства», которые обозначал П. Холландер. Относительно принципа тотальной, почти навязчивой заботы о приезжих во всех сферах жизни можно констатировать двойственность: организаторы, безусловно, стремились к этому, отмечая в отчётах, что «плохое экономическое обслуживание нередко сводит насмарку

заботу обо всём прочем»⁴³. Однако на практике, в силу малого опыта приёма команд и возложения всей ответственности на местные органы власти, реализовать такой подход именно в 1920-е гг. в идеальном варианте не представлялось возможным.

То же самое можно сказать и о создании «потёмкинских деревень» для визитёров, то есть демонстрации лишь наиболее положительных черт страны. В отношении большинства делегаций, особенно тех, кто редко приезжал в СССР, этот тезис верен. Гостей стремились поразить архитектурой крупнейших городов, яркими художественными постановками, тщательно выверенными экскурсиями, встречами с высокими гостями. Однако в отношении приезжих из стран, бывших традиционными спортивными партнёрами СССР с самого начала десятилетия, допускались исключения. Применительно к ним больший акцент делался на сами состязания, общение с пролетариями, допускались и редкие выезды в провинциальные города. Технологии приёма отнюдь не были статичными, но варьировались скорее не в зависимости от «важности» гостей, как указывает Холландер в контексте своего исследования (Холландер 2007: 75), а от национальной принадлежности и истории взаимодействия с представителями того или иного государства.

Таким образом, очевидно, что в 1920-е гг. спортивная дипломатия ещё действовала опытным путём, находилась в поиске тех моделей, которые впоследствии станут универсальными парадигмами гостеприимства.

Дальнейшее углубление и расширение рамок исследования может быть достигнуто посредством анализа взаимодействия спортивных команд по «комсомольской» линии после завершения процедуры рассекречивания соответствующих архивных материалов (РГАСПИ, Ф. М-1, оп. 23).

Об авторе:

Антон Михайлович Глушич – аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; преподаватель Севастопольского государственного университета. 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: barny.g@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 36.

UDC: 94(47)"192":327.7:796
Received: September 11, 2023
Accepted: November 12, 2023

Discovering a Young State: Foreign Sports Delegations in the USSR during the 1920s

 A.M. Glushich^{1,2}
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-183-206](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-183-206)

¹ National Research University Higher School of Economics

² Sevastopol State University

Abstract: In the 1920s, visits by foreign delegations to the USSR served as a crucial yet challenging avenue for showcasing the achievements of the nascent Soviet state. Drawing on previously unexplored materials from the Russian State Archive of Socio-Political History (F. 537, inv. 2), this article examines the strategies employed in hosting these guests. It explores the planning of their itineraries and leisure activities, aiming to understand how Soviet sports leaders, during the early stages of state formation, skillfully concealed various shortcomings (especially economic and infrastructural) and highlighted sports and cultural triumphs to craft a positive global image of the USSR through what was ostensibly a non-political institution.

Soviet physical education leaders did not shy away from inviting foreign teams to the country; instead, they actively welcomed all interested parties who could manage the journey. An ideally orchestrated visit seamlessly integrated four key elements: sports (the competitions), culture (theater, cinema, sightseeing), daily life (direct interaction with Soviet workers), and team recreation. When executed well, these visits garnered positive international feedback, thereby enhancing the USSR's global prestige as the inaugural socialist state. This became the primary objective of Soviet sports diplomacy in the late 1920s, marking a significant stride in breaking through international isolation.

However, these visits were not without limitations and challenges. The level of indoctrination varied significantly among delegations: while European proletarians often visited sites significant to the October Revolution, guests from the East were predominantly exposed to the country's cultural facets. Despite the Red Sports International's encouragement, delegations rarely ventured beyond major urban centers like Moscow, Leningrad, Kharkov, and Odessa, as provincial visits were not feasible. Furthermore, even in these key cities, visitors encountered organizational challenges such as transportation difficulties, inadequate economic support, and issues with food provision, which diminished the effectiveness of propaganda efforts. These shortcomings were largely attributable to the absence of a standardized protocol for receiving foreign guests during the first decade of Soviet sports diplomacy and the general uneven infrastructural development of the country.

Keywords: sports diplomacy, cultural diplomacy, Red Sports International (RSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC), workers' sport

About the author:

Anton M. Glushich – PhD student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia / lecturer, Sevastopol State University. E-mail: barny.g@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Arnaud P, Riordan J. 1996. *Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport*. New York: Routledge. 240 p.

Gounot A. 2002. Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937. *Journal of Sport History*. 28(1). P. 23–39.

Steinberg D. 1978. The Workers' Sport Internationals 1920–1928. *Journal of Contemporary History*. 13(2). P. 233–251.

Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. 2012. Krasnyj sportivnyj Internacional i zarozhdenie sovetской sportivnoj diplomatii [The Red Sports International and the Birth of Soviet Sports Diplomacy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. №2. P. 107–114. (In Russian).

David-Fox M. 2015. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuzu i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gg.* [Showcases of the Great Experiment. Cultural Diplomacy of the Soviet Union and its Western Guests, 1921–1941] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p. (In Russian).

Hollander P. 2001. *Politicheskie piligrimy (puteshestviya zapadnyh intellektualov po Sovetskomu Soyuzu, Kitayu i Kube 1928–1978)* [Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1979]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lan'». 592 p. (In Russian).

Horosheva A.V. 2018a. Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo Internacionala v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. [The Work of the Red Sports International in the Late 1920s – early 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istorija*. №5. P. 86–105. (In Russian).

Horosheva A.V. 2018b. «Proletarskaya» Spartakiada 1928 g. i «burzhuznoe» Olimpijskoe dvizhenie [The "Proletarian" Spartakiad of 1928 and the "bourgeois" Olympic Movement]. *Svobodnaya mysl'*. №2. P. 5–22. (In Russian).

Kulikova G.B. 2001. SSSR 1920–1930-h godov glazami zapadnyh intellektualov [USSR 1920–1930s through the Eyes of Western Intellectuals]. *Otechestvennaya istoriya*. №1. P. 4–24. (In Russian).

Kulikova G.B. 2003. Pod kontrolom gosudarstva: prebyvanie v SSSR inostrannykh pisatelej v 1920–1930-h godah [Under State Control: The Stay of Foreign Writers in the USSR in the 1920–1930s]. *Otechestvennaya istoriya*. №4. P. 43–59. (In Russian).

Stukal D.K. 2007. Inostrannyj turizm kak instrument vneshnej politiki SSSR v 1930-e gody [Foreign Tourism as an Instrument of USSR Foreign Policy in the 1930s]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta servisa*. №2. P. 115–120. (In Russian).

Vasil'ev A.A. 2001. *Zarozhdenie i razvitie mezhdunarodnykh svyazej sovet'skogo sporta v 1920-e gg.* [The Origin and Development of International Relations of Soviet Sports in the 1920s]. Diss. ... kand. ist. nauk. (07.00.02). Saratov: SGU im. N.G. Chernyshevskogo. 209 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. 2012. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*, сер. 6. №2. С. 107–114.

Васильев А.А. 2001. *Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг.* Дисс. ... канд. ист. наук. (07.00.02). Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского. 209 с.

Дэвид-Фокс М. 2015. *Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 гг.* Москва: Новое литературное обозрение. 568 с.

Куликова Г.Б. 2001. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. *Отечественная история*. №1. С. 4–24.

Куликова Г.Б. 2003. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах. *Отечественная история*. №4. С. 43–59.

Стукал Д.К. 2007. Иностранный туризм как инструмент внешней политики СССР в 1930-е годы. *Вестник Московского государственного университета сервиса*. №2. С. 115–120.

Холландер П. 2001. *Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978)*. Санкт-Петербург: Издательство «Лань». 592 с.

Хорошева А.В. 2018а. Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х – начале 1930-х гг. *Вестник Московского университета. История*, сер. 8. №5. С. 86–105.

Хорошева А.В. 2018b. «Пролетарская» Спартакиада 1928 г. и «буржуазное» Олимпийское движение. *Свободная мысль*. №2. С. 5–22.